

СВЕТЛЯЧОК

13.12.2013

№12 (33) Декабрь 2013 года

• Встречи

В город Белый

Город Белый, расположенный на нескольких высоких холмах, великолепно бы смотрелся заснеженной белой зимой. Но, несмотря на то, что андреапольцы оказались в нём серой осенью да ещё в дождливый день, впечатления остались самые приятные.

Наша творческая группа встречалась с пишущими людьми из этого старинного городка. Название вечера придумали самое соответствующее: «В кругу друзей». В зале и в самом деле собрались единомышленники, люди любящие книгу, поэзию, песню. Поэтому тепло принимались и стихи Маргариты Петровой, и душевные песни Евгения Фёдорова, и выступление семейного дуэта – Аллы и Владимира Юриновых.

Эти имена здесь уже знали. Во-первых, потому, что творческая группа бельчан уже побывала в гостях в Андреапольской библиотеке; во-вторых, в Белом читают и даже распечатывают для большего удобства литературную газету «Светлячок», в которой представлено наше творчество.

Но был и дебют: впервые своё стихотворение прочла Ольга Венкова, сотрудница нашей библиотеки. В её тетрадке стихи томились давно, но показать одно из них она решила только на этот раз. Так что первыми и очень доброжелательными слушателями стали бельчане, отблагодарив Ольгу аплодисментами.

В концерте приняли участие и оказавшиеся здесь по случаю Владимир Карпухин и Евгений Кирсанов из Бежецка.

После концерта обменивались впечатлениями, адресами. Книжки М. Петровой и В. Юринова имели у бельских друзей спрос и займут теперь своё место на их полках. А завязавшаяся дружба продолжится, несмотря на немалое расстояние между нашими городами. В этот раз «Светлячок» преодолел путь благодаря транспорту,

предоставленному Андреапольским отделом культуры, за что ему очень благодарен.

На снимке:
Ольга Венкова
(Андреаполь) и
Виктор Королёв
(Белый) слушают
выступления
товарищей.

«На флейте водосточных труб»

У каждого филолога со стажем есть накопленный литературный материал. Если школьный учитель заканчивает практиковать, материал остаётся лишь его личным багажом. А вот Екатерина Ивановна Локтева, уроженка наших краёв, работавшая в одной из подмосковных школ, а теперь вернувшаяся в родные места, решила щедро этим багажом поделиться со всеми, кто любит русскую классическую литературу.

Второй раз уже в районную библиотеку собираются люди, желающие послушать её интересный рассказ. В октябре он был о Сергее Есенине, в конце ноября – о Владимире Маяковском. Беседа идёт не в канве школьного урока. Это занимательные рассказы не столько о творчестве великих поэтов, сколько об их непростых судьбах.

«А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?» – вопрошал Маяковский. Не знаю, как на флейтах, а вот на судьбах больших поэтов обычные маленькие женщины свои ноктюрны играли искусно, о чём в подробностях и узнали читатели из уст Екатерины Локтевой.

Она наизусть прочла стихи представляемых поэтов, предложила для просмотра многочисленные газетные и журнальные вырезки, собранные ею когда-то. Работники библиотеки помогли докладчице некоторые видеоизображения вывести на экран.

Беседы, похоже, станут ежемесячными. В декабре по предложению Екатерины Ивановны заинтересованные читатели придут послушать рассказ о Пастернаке.

М. Петрова
На снимке: Екатерина Локтева

• Трудные вопросы истории

Г Е Н И Й И З Л О Д Е Й С Т В О

Тема, вынесенная в заголовок предлагаемого материала, когда-то присутствовала в школьных программах. Размышляя над этой старой темой надо, прежде всего, определить, что же такое гениальность и что такое злодейство?

Думается, что "злодейство" в общем случае можно определить как действие, направленное на разрушение творения Божия. Гениальное злодейство можно понимать как действие, направленное на разрушение образа Божия в человеке (как стремление разрушить высшее творение Божие), а при невозможности уничтожение самого человека. Однако в светской терминологии под гением все же понимался человек, созидающий нечто незаурядное, а "созидание" является антиподом

"разрушения", но в таком случае, в онтологическом смысле, гений-созидатель не может быть одновременно разрушителем, хотя в процессе созидания ему и приходится убирать нечто лишнее, в чем собственно и заключается человеческое творчество.

Хотелось бы рассмотреть в этом свете деяния первого русского самодержца, Иоанна Васильевича Грозного. Впрочем, о «злодействах» Иоанна Васильевича написано достаточно, к счастью, благодаря изысканиям В.Г. Манягина, стало ясно, что слухи об этих злодеяниях «оказались сильно преувеличены». А как насчет гениальности?

Прежде чем говорить о гениальности того или иного человека, необходимо уточнить: о гениальности в какой области идет речь. Если же говорить о царе, то его гениальность должна проявляться не в плотницком или портняжном искусстве, а в государственном строительстве. Именно в этом направлении мы и попытаемся проанализировать деятельность первого русского монарха.

Итак, в 1480 году Великое Московское княжество обрело свою независимость. Великий князь Московский Иоанн III стал суверенным государем. Рассматривая результаты деятельности первого суверенного государя Московской Руси, К. Маркс писал: «К концу его княженья мы видим Иоанна III, сидящим на вполне независимом троне. Рядом с ним — дочь последнего византийского императора. У ног его — Казань. Обломки Золотой Орды толпятся у его двора... Литва уменьшилась в своих пределах, и ее государь является орудием в руках Иоанна. Ливонские рыцари разбиты». Однако было ли в это время Московское Великое княжество государством в полном смысле этого слова? Что бы ответить на этот вопрос надо понять, что такое "государство"?

Как считали теоретики русской юридической школы, государство — это форма организации общества, или общественный союз. Б.Н. Чичерин выделяет следующие признаки государства, не встречающиеся в других социальных группах: "1) государство есть союз; 2) государство есть союз целого народа; 3) оно имеет единый закон; 4) оно непременно имеет территорию; 5) в нем народ становится юридическим лицом; 6) оно управляется верховной властью; 7) его целью является общее благо". Выдающийся мыслитель конца XIX начала XX веков, Н.Г. Дебольский, детализировал понятие "общего блага", выделив из него главную составляющую - "высшее благо" - которое определил как "самосохранение нации". Он показал, что если народ утратит способность самосохранения, то об остальных благах можно будет забыть. А потому любые идеологи, проповедующие необходимость упразднения наций, являются не радателями блага народа, а его врагами. И так являлось ли собой Московское Великое княжество в период Иоанна III и Василия III государством в свете приведенного выше определения.

Государство есть союз целого народа. В рассматриваемый период о таком союзе говорить, по-видимому, преждевременно. Князья вотчинники, не только владели землями на основе частной собственности, но продолжали сохранять значительную политическую и юридическую самостоятельность. Экономическая эксплуатация крестьян вотчинниками по свидетельству Н.Н. Алексеева привела к тому, что крестьяне «заказывали», то есть стали покидать вотчинные земли и переселяться на земли монастырские и государственные, а при невозможности (в случае попадания в долговую зависимость) бежали на окраину государства, пополняя казачью вольницу. После смерти Василия III, его жена, мать Иоанна IV Грозного, была отравлена мышьяком, а за время малолетства Иоанна Васильевича княжество пришло в состояние практической раздробленности.

(продолжение на стр. 3)

(начало на стр. 2)

Государство имеет единый закон. Попытка в 1497 году ввести «Судебник», т.е. единый свод законов для всей территории княжества потерпела неудачу. Князья вотчинники его попросту игнорировали.

В государстве народ становится нравственным лицом. В условиях беспредела землевладельцев-бояр говорить о нравственном совершенствовании народа, по-видимому, не имеет смысла.

Оно управляется верховной властью. Невозможность введения «Судебника» свидетельствует о том, что верховная власть в это время была крайне слабой.

Его целью является общее благо. Ввиду вышесказанного даже о «высшем благе», самосохранении нации, говорить не приходится.

В то же время большая часть населения княжества уже осознавала необходимость построения сильного государства, которое бы обеспечило самосохранение нации. Это подтверждают авторы работы "Административно-территориальное устройство России", которые пишут:

«Начало следующего этапа в развитии государственности было обусловлено целым рядом причин. Острая борьба за влияние и власть между боярскими группировками во времена детства и отрочества Иоанна IV привела к глубокому политическому кризису. Кризис власти обернулся кризисом управленческих структур. Пользуясь ослаблением центральной власти, упрочили свои позиции кормленщики. Дело не просто в том, что слабый контроль со стороны центра открывал им дополнительные возможности для злоупотреблений. В условиях борьбы за власть раздача престижных кормлений превращалась в средство приобретения новых сторонников. Причем нередко — за счет центральной власти. Уместно говорить о торможении, даже откате в процессе централизации в 30-х — начале 40-х годов XVI века.

Святой Максим Грек пишет, что наместники и судьи, “будучи объяты величайшим неистовством ненасытного сребролюбия, обижают, лихоимствуют, грабят имения и стяжания вдовиц и сирот, придумывая всякие вины против неповинных”.

Дело, однако, не только в злоупотреблениях наместников и в эгоистической политике борющихся властных группировок. Кризис был масштабнее. Он отражал потребность в создании настоящего государства. В своем развитии на пути единения Московская Русь заметно продвинулась вперед, но ее социальные и государственные структуры оставались на прежнем уровне и не отвечали новым реалиям.

Показатель необходимости реформ — в степени их осмысления обществом. Канун государственного строительства отмечен временем расцвета публицистики, предлагающей свои рецепты для излечения общественных недугов, — укрепление и усиление власти. Необходимость перемен осознавалась всеми социальными слоями общества, которым противостояла партия удельных князей и бояр, владевших вотчинами, т.е. частными наследственными землями. Впервые в отечественной истории возникала взаимосвязь между идеями реформ и готовностью большей части общества поддержать их. Формировалась своеобразная атмосфера реформ, которая одновременно становилась неперенным условием успеха преобразований”.

Реформы были необходимы и в связи с внешнеполитическими изменениями. Постоянная угроза, исходящая от Казанского и особенно — от Крымского ханства, могла быть преодолена при условии существования сильной и стабильной власти, способной мобилизовать материальные и военные ресурсы для ведения войн.

Итак, что же противопоставил первый русский царь Иоанн IV Васильевич этому процессу распада.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ ИОАННА IV

Прежде всего надо отметить, что, начиная свои реформы, Иоанн Васильевич опирается на широкие слои населения. Разработанный по его поручению единый "Судебник" принимается на Соборе в 1550 году, то есть ему был придан публичный характер. Этот документ стал сводом действующего права. Чуть позже, в 1555-1556 годах появляется "Уставная книга Разбойного приказа", которая содержит нормы уголовного права и процесса. Однако исполнение законов, права суда оставалось на первых порах за княжатами и кормленщиками. Н.А. Захаров пишет: «Отдавая в управление какую либо волость, князь уполномочивал назначенного администратора собирать в его пользу доходы, а себе брать за труды ту или иную часть — это создавало “кормления”. Кормленщики часто увеличивали причитающуюся им часть, обременяя население поборами, и Верховная царская власть для борьбы с этим злом не применяла мер публично-правового характера, ревизии или контроля, предоставляя населению самому возбуждать путем челобитных преследование своих корыстных администраторов. Но, несмотря на все взыскания, налагаемые царями на своих корыстных слуг, недовольство ими в царствование Иоанна IV достигло высшей своей точки, и вот тут царь идет навстречу населению. Сначала даются в той или другой волости права собственного суда

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 2-3).

и самоуправления, а затем последовала полная отмена кормлений указом от 1555 года. Параллельно с кормлениями начинает возникать практика раздачи земли за службу. Но пожалование такое давалось условно, а именно до тех пор, пока пожалованный служил царю, то есть, говоря иными словами, оно носило характер аренды».

В соответствии с реформой происходила замена кормлений выборными земскими и губными учреждениями. Таким образом, Иоанн IV, по-видимому, пришел к выводу, что кормления принципиально расходятся с задачами укрепления самодержавной власти и централизации государства, которая нуждалась в поддержке народа. Особенно это требовалось в судебной области. Новые учреждения выступали здесь как суды первой инстанции с правом решения ограниченного круга уголовных дел. Эти учреждения создавались на местах — уездах и волостях — на основе представительства от различных групп населения. Во главе их стояли выборные головы (губные старосты) из дворян. Они обладали административной и судебной властью. Для выполнения своих функций голова получал штат подьячих и целовальников из числа крестьян. В черносошных и дворцовых волостях и городах население выбирало земского старосту, земского дьяка и целовальников.

Задачи новых учреждений сводились, прежде всего, к поддержанию правопорядка — борьбе с «ведомыми лихими людьми», к сбору налогов и исполнению государственных повинностей. Встроенные в вертикаль власти, земские и губные органы самоуправления были призваны обеспечить функционирование государственной власти в низовом звене. Это было одним из проявлений сословно-представительной монархии, оформление которой приходится на годы правления Иоанна IV.

Однако реформы касались не только местного, но и центрального управления государством. Освобождаясь от местных дел, власть сосредоточила свое внимание на делах государственных, которые оформлялись в форме «приказов».

Первый и самый видимый итог административных реформ — начало интенсивного приказного строительства, в процессе которого возникает система приказов. В нее входят: Посольский приказ, в ведении которого была внешняя политика Русского государства; Поместный приказ контролировал оборот земли — материальную основу службы; военные и административно-управленческие функции сосредоточивались в Разрядном приказе; организацией службы стрельцов и пушкарей, занимались Стрелецкий и Пушкарский приказы; сыскные задачи были связаны с деятельностью Разбойного и Земского приказов; организацией перевозок, службой ямщиков, организацией ямов или позже почтовых станций, ведал Ямской приказ, на его основе функционировала и почтовая связь; для работы с жалобами населения был создан Челобитный приказ.

Появление приказов отражало потребность в создании центральных исполнительных органов с устойчивым штатом высокой компетенции. Приказное строительство продолжалось несколько десятилетий, но в результате проведенных Иоанном IV реформ приказы оформились как система.

Однако создание этой системы встретило сопротивление княжат и бояр, которые лишались своих привилегий. Для преодоления этого сопротивления Иоанн IV был вынужден ввести опричнину. "Власть царя опиралась на специальный опричный корпус, выполнявший функции личной охраны царя, органа политического сыска и непосредственного карательного аппарата... Социальной опорой опричнины было мелкое дворянство... Значение опричнины нельзя определять однозначно. Опричнина существенно подорвала экономические и политические позиции княжеско-боярской аристократии, укрепив тем самым царскую власть и способствуя ликвидации удельно-княжеского сепаратизма. Но ее проведение сопровождалось колоссальным разорением многих земель ...". Таким образом, авторы признают, что опричнина была необходима для формирования государства, без нее просто не удалось бы государственное строительство. В то же время последняя фраза явная дань традиции созданной Н. М. Карамзиным. Как мы помним Алексеев писал, что крестьяне "заказаковали" в результате боярского беспредела. А за время правления Грозного Царя население выросло на 30-50%, причем к смертной казни было приговорено, заметим по суду, менее 4 тысяч человек, включая уголовников.

Таким образом, реформы Иоанна IV привели к серьезным переменам в государственном устройстве Московской Руси. Изменились не просто отдельные нормы права или учреждения — перемены коснулись всей совокупности отношений и властных институтов. Сама иерархически выстраиваемая структура управления усложнилась и одновременно стала более действенной, что сказалось на всех сторонах жизни государства.

ДИПЛОМАТИЯ ИОАННА IV

Формирование суверенного государства порождало множество международных проблем, что приводило к необходимости интенсифицировать внешнеполитическую деятельность Москвы и создавать квалифицированные штаты для решения международных проблем.

(продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 2-4).

В первые годы правления Грозного упор его внешней политики направляется на восток. Создание в 1551 г. стратегической базы в Свияжске подготовило почву для присоединения Казанского ханства. Переговоры об унии Казани с Москвой под главенством Русского царя завершились полным успехом. Но в начале 1552 года Казань захватил сын астраханского хана царевич Едигер, который пришел с 10-ти тысячным войском и убил правившего в Казани хана. В результате присоединение Казани в 1552 г. совершено было уже военными средствами. Однако надо помнить, что сам Едигер был врагом татарской династии. После падения Казани в 1555 г. сибирский хан признал себя вассалом Москвы. В 1556 г. без сопротивления сдалась Астрахань, в результате чего возникли дипломатические отношения с кабардинскими князьями Северного Кавказа. В связи с присоединением Казани и переходом под власть Москвы торговых путей по Волге и Каме открываются дипломатические и торговые сношения со среднеазиатскими и прикаспийскими государствами.

Однако основным направлением внешней политики Иоанна IV является не Восток. Все усилия Грозного устремлены на Запад. Сильное централизованное государство, каким становилось Московское царство, не могло развиваться без выхода к морям, обеспечивающим международную торговлю. Блокада, в которой фактически держали Россию враждебные ей Ганза, Польша, Литва и Ливонский орден, должна была быть прорвана любой ценой. Хотя торговля с Англией через Белое море, на котором по распоряжению Иоанна IV, был заложен Архангельск, началась еще в 1553 г., условия плавания по Ледовитому океану не могли обеспечить непрерывность сношений беломорским путем. Москве нужен был выход к Балтийскому морю. Иоанн IV упорно шел в этом направлении. Сначала, как и в вопросе Казани, была сделана попытка разрешить балтийскую проблему дипломатическим путем. Срок перемирия, заключенного Иоанном III с Ливонским орденом, заканчивался в 1553 г. Новые условия, выдвинутые правительством Иоанна IV, должны были обеспечить морскую торговлю Московского государства через Дерпт (Юрьев) принадлежащий Ливонскому ордену. Однако орден предпочел союз с Ганзой, Швецией, Литвой и Польшей, организовавшими экономическую блокаду Русского государства. В результате чего Иоанн IV вынужден был начать военные действия против Ливонии.

Сила удара русских войск была сокрушительной, с мая по октябрь 1558 г. русские войска взяли 20 городов. Русские войска, посчитав свою задачу выполненной, ушли на Русь. Однако в 1559 году, вновь назначенный магистр ордена Готхард Кеттелер вновь начал военные действия против России. Русская армия заняла почти все города, остатки ливонских рыцарей сконцентрировались в его столице Венден, и здесь вместо того, чтобы продолжить боевые действия и заключить мир, под дипломатическим давлением всех стран западной Европы и группы Адашевых (представители которой вели тайные переговоры с ливонским бюргерством) с Ливонией заключается перемирие. Перемирие позволило Литве, Польше, Швеции и Дании собрать войска и выступить против Московского государства уже сообща. Ответственность за последствия заключенного перемирия лежит всецело на совести Адашевых, за что они и попали в опалу.

С самого начала войны Ливонская проблема присутствовала на всех совещаниях представителей государств, входивших в состав Римской империи. Император Максимилиан II объявил блокаду. Даже в таких отдаленных от театра военных действий государствах, как Франция и Испания, создавались проекты захвата Балтийского побережья. Подстрекаемые польско-литовской дипломатией, крымские татары и султан спешили использовать создавшуюся политическую обстановку, чтобы попытаться отвоевать Казань и Астрахань. В 1569 г. против Москвы объединились Литва и Польша, создав «Речь Посполитую». В таких условиях московская дипломатия должна была развернуть очень широкую деятельность. Иоанн IV искусно налаживает отношения с Данией, ищет союза с Турцией, отказываясь ради этой цели от наступления на Кавказ, выдвигает свою кандидатуру на польский престол, ведет переговоры с императором, предлагая раздел Речи Посполитой с тем, чтобы «корона польская» отошла к сыну императора, а самому Иоанну достались Литва и Ливония. По соглашению с Данией Иоанн IV образует в Ливонии вассальное государство, во главе которого ставит брата датского короля герцога Магнуса. Во всех этих дипломатических комбинациях Иоанн принимал личное участие. Однако после 24-летней изнурительной борьбы Иоанн Грозный вынужден был поставить вопрос о продолжении войны на Земском Соборе, ибо война требовала денег, а решение о дополнительных податях не могло быть принято без решения Земского собора. Собор не поддержал продолжение войны, и Иоанну IV пришлось отказаться от своих планов в Прибалтике. Война со всей Европой, организованная Римским престолом, оказалась пока не под силу Московскому царству. В 1582 г. в Запольском Яме при участии представителя папы был заключен мир с Речью Посполитой на условиях, «как до войны», с обоюдным отказом от достигнутых завоеваний.

(продолжение на стр. 6).

(начало на стр. 2-5).

Таким образом, несмотря на длительную борьбу, в которой проявились высокие качества и русских войск, и русской дипломатии в условиях крайне неблагоприятной для России международной обстановки, Иоанн IV оказался не в силах осуществить поставленные им на Западе задачи. Но и Речь Посполитая, была вынуждена отказаться от широких планов агрессии и от своих претензий на Псков, Новгород и Смоленск.

В связи с необходимостью решения государственных задач на западе, востоке и юге активизировались политические связи с Римской империей, Англией, Швецией, Турцией и другими странами.

Интенсивная внешнеполитическая деятельность не могла проводиться старыми средствами. А потому Иоанн IV самое пристальное внимание уделяет формированию внешнеполитического "ведомства". С 1537 года для ведения внешнеполитических дел существовал отдельный "стол" - поветье в Казенном дворе. Сразу после своего венчания на царство Иоанн IV в 1549 году выделяет внешнеполитическое ведомство в отдельную Посольскую избу со своим архивом и штатом. Она возглавляется дьяком. Ввиду важности деятельности и быстрого увеличения объемов архивов Избу в 1573 году перестраивают в каменное здание, и она получает наименование Посольская палата, а в 1578 реорганизуется в Посольский приказ. Интенсивно увеличивается штат внешнеполитического ведомства. Так, например, в его штат только одних письменных переводчиков входило до 20 человек. Использовались языки: греческий (классический и разговорный), латинский (классический и вульгарная латынь), румынский, польский, голландский, английский, австрийско-немецкий, немецкий (нижнесаксонский), татарский, калмыцкий, турецкий, арабский и шведский. Отдельный штат составляли устные переводчики-толмачи.

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Все перечисленные выше преобразования требовали большого количества грамотных исполнителей. Понимая это, Иоанн IV самое серьезное внимание уделяет образованию. Как сообщает Е.Н. Калашникова, «в 1551 году по указу царя создается система образования при церквях и монастырях и открывается первая школа. Детей «грамоте и писати, и пети, и чести (т.е. считать) учили». Был издан учебник по арифметике - «Книга, рекомая по-гречески Арифметикой, по-немецки Алгоризмой, а по-русски цифирной счетной мудростью». В этом пособии ... рассматривались сложение, вычитание, умножение, деление и действия с дробями, при этом, как правило, приводились примеры из области торговли. Развитие математических знаний определялось, прежде всего, практическими потребностями. В качестве наставления для измерения «сох» (единица обложения) была создана «Книга сошному письму», которая свидетельствует о знании довольно сложных приемов математических расчетов.

Потребность в развитии математических знаний увеличивалась в связи с усложнением строительного и военного дела, в частности, артиллерии, ибо в XVI в. уже решались задачи на определение расстояний от далеких предметов».

Именно эта система образования позволила ко времени царствования Алексея Михайловича достичь поразительной для тех времен грамотности. Так, по сообщениям С. Зеньковского, в это время белое духовенство было почти поголовно грамотным, среди манашествующих число грамотных составляло 75%, грамотность дворян колебалась от 65% до 78% в зависимости от региона, у купечества 75% - 96%, среди посадских грамотность достигала 43%, а среди крестьян колебалась от 23% до 52%.

Как сама система образования, так и проводимые реформы требовали создания системы книгопечатания. Первая типография возникла в Москве в 1553 г. и вскоре здесь были напечатаны первые книги. В 1563 г. организация «государева Печатного двора» была поручена выдающемуся деятелю в области книгопечатания в России Иоанну Федорову. Вместе со своим помощником Петром Мстиславцем 1 марта 1564 г. он выпустил книгу «Апостол» в следующем году «Часовник». Книги, созданные в типографии Иоанна Федорова, отличались прекрасной техникой исполнения.

Та же Калашникова сообщает что, в настоящее время обнаружены письма голландского купца Йохана Вема, который писал, что царскому двору поставлялись крупные партии книг - «рукописных и печатных и продано для царских хранилищ на 5 тысяч золотых гульденов». Сумма по тем временам невероятная: целая флотилия тогдашних торговых судов потребовалась для доставки груза!

(продолжение на стр. 7).

(начало на стр.2-6).

Характеризуя государственную деятельность Иоанна Грозного можно сказать, что он принял Московское княжество в состоянии анархии, на грани распада, а через 37 лет оставил Мировую державу раскинувшуюся на территории 5,4 млн. кв. км. (было 2,8), численность населения которой увеличилась на 30-50%, которая управлялась на основе Права, имела дипломатические и торговые отношения с большинством мировых держав того времени. Причем, как сообщает Р.Г. Скрынников, за все 37 лет к смертной казни было приговорено не более 4 тысяч человек, что в десятки раз меньше потерь населения происходивших при централизации государств в Западной Европе.

Впечатляющие результаты деятельности первого Русского самодержца свидетельствуют о том, что те таланты, которые Иоанн Васильевич получил от Господа в таинстве миропомазания при венчании на царство, он вернул Владыке более чем преумноженными, явившись величайшим творцом Русского государства. Представляется очевидным, что такое творчество не может быть совместимо со злодейством, ведущим, как было сказано выше, к распаду и тлению. Но если и приходилось отсекал засохшие ветви, то на этот счет сам Господь говорил, что их посекают и предают огню. Но, заботясь даже об этих "усохших ветвях", Благоверный Государь рассылает "поминки" по всем монастырям, дабы там отмаливали грехи изменников и клятвопреступников. Мировая история не знает ни одного подобного примера, даже из лицемерия никому не пришло в голову повторить такое деяние.

Однако злодейство в жизни Иоанна Васильевича все же имело место, именно оно пресекло жизнь, как самого царя, так и династии в целом. Об этом писали как в 60-е годы, вскоре после эксгумации останков царя и его сыновей, так и позже. Исследования, ведущиеся с середины 90-х годов, доказали факт отравления практически всей семьи царя Иоанна IV. Его мать, великая княгиня Елена (1538), первая жена, царица Анастасия (1560), царевна-младенец Мария, царевич Иоанн Иоаннович (1581), царь Феодор Иоаннович (1598) были отравлены мышьяком и ртутью. Не могут злодеи простить творцам их сотворчества Богу. Но и «Бог поругаем не бывает» и потому прославляет своих подвижников.

А. Яковицкий,
кандидат технических наук,
д. Волоч

• Новые стихи

Ольга Венкова

ПО ВЕНАМ...

По памяти до милого порога,
На аромат не пахнувших хлебов
Ведет тропой заросшая дорога
Среди полей дремучих и лугов...

Вороны тень на крыше-недотроге...
На бывших грядках раскустился брэд...
Забор в штыки теперь встречает ноги,
К земле надворную крапиву гнет...

Забывший дом тоска сложила вдвое,
Громоотвод поранило грозой...
В сенях сквозняк заблудший зябко воет,
С окошка ставенка висит слезой...

Ухват склонился низко в пол рогами,
В углу скамья пытается прилечь,
Забыта паутина пауками,
И черными слезами плачет печь...

Сквозь лопухи, сквозь годы и метели
Осколки флоксов алых прямо в грудь...
И сердце на завалинку присело
Родную кровь по венам протолкнуть...

Галина Персина

Мы бегали босыми на болото
Ловить лягушек, собирали их икру.
Зовут домой – идти нам неохота,
Мы не закончили ещё свою игру.

В лапту играли весело и дружно,
Окрестная сбегалась детвора.
И уговаривать тут никого не нужно,
Вприпрыжку все бежали со двора.

Давно ли жгли костёр за огородом,
Не замечая, что выросли и росли.
Но оглянулись, а за тем вот поворотом
Свернули годы детства и ушли.

И вот, как мать, слезу я утираю,
Теперь своим смотрю детишкам вслед.
И всей душой я Бога умоляю,
Чтоб где-то там не причинили детям вред.

Вот так идёт сплошным круговоротом
Вся наша жизнь, сменяя поколения.
Уже другой спешит до поворота,
Глаза он распахнул от удивленья.

• Новые стихи

**Маргарита
Петрова**

ВЕЧНЫЙ ВАЛЬС

Люди живут быстро.

Евгений Клюев
«Книга теней».

В восторге или же от боли
За скрипку девушка взялась,
Вначале будто против воли
На волю выпуска вальс.

И закружился вальс случайный;
В воронки девичьих страстей
Он вовлекал, вскрывая тайны,
Попавших в вихрь его людей.

Над перекрёстком чьих-то судеб,
Над перекрестием тревог
Вальс уверял, что счастье будет,
Звал в неизвестность без дорог.

В мелодии – тоска разлуки,
Внезапность узнаваний, встреч.
И крепкие мужские руки
Касались хрупких женских плеч.

А звёзды, зная смысл высокий
Земной недолгой кутерьмы,
Смотрели с высоты не строго,
Ведь к вечности спешили мы.

* * *

Вскинуть руки кому-то на плечи,
Захлебнуться в любви невозможной?
Одиночеством путь твой отмечен,
Приучилась ты жить осторожно.

Ни манящей раскованной позы,
Ни доверчиво-нежной улыбки.
Ожидание скрытой угрозы,
Опасение новой ошибки.

На последнюю пуговку ворот
Сине-серой под горлышко блузы.
Угорает в черёмухе город,
Что ни девушка – каждая муза.

Заливается вновь спозаранок
Соловей за околицей страстно.
Ты, однажды подбитый подранок,
Оборону готовишь напрасно.

Ведь таится на донышке страха
Образ феи в свободных одеждах.

Ах, как сладко заходится птаха
И тревожит былые надежды.

А в окно смотрит ласковый вечер.
Вскинуть руки кому-то на плечи?

* * *

Дни тёплые вернулись так неожиданно
за пару дней до настоящих стуж,
как возвращается неверный муж
с удвоенною ласкою обманной.

И городок расслабился беспечно,
нежданному теплу поверить рад.
И я позавчерашний листопад
топчу и улыбаюсь первым встречным.

Так нежен луч, каким в июле не был.
А что потом? Да мало ль что потом.
Быть может, завтра потом и постом
платить за щедрость нынешнего неба.

В БОЛЬНИЧНОМ СКВЕРЕ

Здесь в шаге от ограды тротуар
И миллион беспечнейших прохожих.
Весёлый гомон, и денёк погожий,
Осенний ненадёжно-хрупкий дар.

А я внутри, в аквариуме сквера,
Где рыбками струится жёлтый лист,
И где больничный корпус, неказист,
Круг замыкает. И где гаснет вера.

Сквозь прутья голых веток тонкий луч
Вдруг скальпелем пробьётся милосердным,
Выравнивая ритм моих предсердий.
И воздух хлынет, сладостен и жгуч.

Целительный глоток его отмерен
Ажурною решёткой городьбы.
Любой ценой билетик у судьбы
Куплю на выход за решётку сквера.

7 НОЯБРЯ

Деревья – не спасенье в дождь,
печальный подзабытый вождь
так сиротлив в конце аллеи.
Рекламы броской мишура
блестит, где в давнее вчера
знамёна радостно алели.

И подгулявший пешеход,
пустивший, видимо, в расход
бутылочку пивка под вечер,
ругает грязно белый свет
и требует держать ответ
вождя. И в голос плачет ветер.

Татьяна Михайлова

Диалоги на даче

РАССКАЗ

Странная это была парочка. Соседи по его даче привычно ухмылялись им вслед, вполголоса отпуская что-нибудь типа: «Любовь зла – полюбишь и козла». Соседи по её даче с любопытством прислушивались к их спорам. Вместе их свели одиночество да пара оскаленных собачьих пастей на пути к её участку: с интеллигентами в российском захолустье церемониться не привыкли, особенно в деревне, а собак на то ведь и пускают в свободное плавание, чтобы их хоть кто-нибудь да боялся. Она боялась намного

больше других.

В своей далёкой молодости Он служил в Анголе. Время было советское, и официально наших там не было, как «не было» их в очередном поколении, например, в Персидском заливе. Официально. Потом была тяжелая и многолетняя работа на две ставки, увенчанная, правда, нормальной для работяги пенсией. И после демарша бывшей жены, выставившей его из общей квартиры и пытавшейся даже выписать из неё как «без вести пропавшего», утешили его только спасительные грядки. На этих грядках стояло его деревянное пристанище, в одни руки срубленное из подручного материала: даже зимою он жил в этой своей домушке. Для Неё, желающей знать правду о «народе» изнутри этого самого народа, Он послужил героем стихотворного опуса:

Рухнет на пол и стены твой редкий короткий смех,
 Как солдат-новобранец – на плюющийся смертью дзот,
 И заглянет в оконце весной отражённый снег,
 И поморщится солнце: и этот Федот – не тот.
 Накренится стакан, напружинится старый стол,
 Ощетинится нож, опасаясь попасть в ладонь.
 Где твой старый дружище (до выстрела рядом шёл)?
 Где петрово-водкинской юности конь-огонь?
 Горизонт здесь давно ли играл с тобой в поддавки,
 И не он тебе – фору давал ему чаще ты.
 И с босыми ногами дружили твои мостки.
 С сапогами потом подружились твои мосты.
 Но у крепкого кофе – не родниковый вкус.
 Но бульжник в груди размочить не осталось слёз.
 И не чаще дрогнет в усмешке твой пегий ус,
 Чем к берлоге твоей прибуди'тся бездомный пёс.

Сама Она была непроходимым гуманитарием. Роман Фицджеральда перед сном, например, радовал Её больше любых политических новостей, с каких бы каналов они ни звучали. И вовсе не потому, что в недавней экранизации этого знатока человеческих душ – да и кто из писателей не знаток? – играл и вытаскил своей игрой весь фильм знаменитый красавчик ДиКаприо. Собственные проблемы советского времени – работа исключительно в бюджете, квартира, за взятку ушедшая налево сразу же, как только на неё подошла очередь, – волновали Её, кажется, меньше, чем печатное слово на великом и могучем русском языке. И разговоры о том, как в стране всё испортилось с приходом «демократов», только забавляли: страна надёжно обобрала Её задолго до их прихода.

Погода на даче располагала к обсуждению литературных новинок. Так в один действительно прекрасный день «под раздачу» попали и эссе Владимира Костюнина с его купелью и душой.

«Человек только тогда может изменить своё отношение к деньгам, когда на личном опыте вдруг обнаружит, что богатство – это «две курицы в каждой кастрюле, две машины в каждом гараже и две

(продолжение на стр.10).

(начало на стр.9).

головные боли на каждую таблетку аспирина». Я хорошо понимаю людей, которые тут же возмущаются: – Мы тоже хотим такую головную боль! Справедливое желание. Господи, дай им возможность самим испытать её».

Цитировала Она бесстрастно, но Он закипал мгновенно:

– Кто он сам, говоришь? Из спецслужб? А теперь у него заводик и местечко во власти? Ха-ха-ха! Видал я таких – нас, солдат, за людей не считали. Мы же были наёмниками, воевали по чужим документам. А теперь они отхватили по вагону наших с тобой ваучеров, скорешились с попами и вместе с ними учат нас жить.

- Ну, мы не знаем, принесло ли ему счастье его богатство. А офицером в Афгане он был, возможно, и неплохим. Вот и цифры потерь публикует в разных военных конфликтах – убедительно, между прочим. Была могучая страна, воевала за правое дело – и потери были поменьше. Сунулась не в свои дела – и потеряла немислимо много, и с позором из этого вышла.

Он смотрел на Неё, как на больную (в Его терминологии: «на всю голову»):

- Ну что ты в этом понимаешь! Ты мне ещё про государство расскажи, что он там заливаает. «Государства друг от друга отличаются. Соответствующий кураж придаёт им идеология. Капитализм. Социализм. Это вовсе не то же самое, что прагматики и романтики. Ни социализм, ни капитализм не вправе претендовать на светлую мечту человечества. И смущает, что абсолютно безграничная власть сосредоточена в руках небольшой горстки обычных людей: известно, что любому заурядному человеку, у которого в руках молоток, всё вокруг напоминает гвоздь».

- Так а я о чем?! И я о том же: сам во власти – делай же что-нибудь, а не бумагу марай, как жить НАМ, которым до кормушки – как до ближайшего миража в пустыне. А то Грачёв с экрана отрекается от своих в Чечне – и что, кто-то его осудил? Ты хоть раз думала, как это так: страна («государство» - поднял он по-щукаревски торжественно палец кверху) забирает на войну, отдает пацанов на растерзание, а выкупать из плена едите матери! А этот заливаает то, что я и без него знаю. Или в любой другой книжке могу прочитать.

«Однако каким бы ни было устройство общества, это не должно мешать лично тебе жить по совести здесь и сейчас. Человек краснеет в одиночку», - не сдавалась Она.

- Это ТЫ краснеешь от чужого мата и одна на всю платформу лезешь останавливать кучу мужиков. А про него я этого не знаю – может, он только тебе советует не молчать, а сам там наверху помалкивает в тряпочку. Почему я не знал его раньше? Зачем он полез в писатели – и не просто в писатели, а в члены Союза писателей? Что-то тебя туда не зовут – даром что дипломов с конкурсов больше всех в городе нагребла. Значит, нужна ему зачем-то реклама о себе, любимом. Вот ты была в жюри конкурса, где тоже надо было хвалить организаторов, - как, говоришь, он назывался?

- «Вся королевская рать».

- И чем всё это кончилось?

- Работ было маловато, действительно неудобно сформулирована тема, – десятилетие сайта – как ожидание похвал. Вот и ждём, не прибавятся ли участники во втором туре.

- Вот видишь! Не прибавятся – кому охота шестерить перед начальством.

- Ну хорошо-хорошо, давай поменьше на личности переходить. «По мнению Николая Бердяева, «несостоятельны все интеллектуальные доказательства существования Бога, которые остаются в сфере мысли. Но возможна внутренняя экзистенциальная встреча с Богом». Любой нормальный человек – кроме тебя разве что – это тоже читает. Пытается осмыслить. Осмыслив, пытается поделиться с остальным человечеством. Почему же именно этот автор тебе так неприятен? Потому что он состоявшийся мужик – в отличие от тебя? Извини. Или только потому, что он служил в «конторе», которую ты не переносишь?

- Ты тоже бы не переносила, если бы знала, как они работают. Человек для них – ноль. И бывших среди них тоже не бывает. Как не бывает, например, бывших эков: они уже и из тюрьмы выйдут, а за ними всё приглядывают – и правильно делают. За этими тоже стоило бы проследить – кто у нас годами мафию крышевал, пацаны с улицы? Ты тоже неплохо устроилась – пописываешь стишки, ходишь как по облакам, вот только с чужими собаками справиться не можешь, и никакой писака тебе не поможет.

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 9-10).

Это был удар прямо под дых. Собак, болтающихся на шоссе, боялись все. Школьная ребятня собирала целую компанию, чтобы пройти опасное место. Заезжие гастарбайтеры вооружались кольями, но тоже жались к обочине и конфликтов предпочитали избегать. Тётеньки из местной администрации привычно и умело валяли дурака:

- Ой, неужели же хозяин снова их выпустил? (Собак не привязывали ни дня! И знали это все). Ну, мы поговорим с ним поостроже.

- Сколько можно «говорить», - трепетала Она, названивая в местную администрацию прямо с дороги, под рычание окружающих Её псов. – Пригрозите штрафом – посадит на цепь как миленький.

Воз оставался там же, где его привыкла видеть классическая литература.

Там же оставались и диалоги на даче.

«Лично я по пути рифмы делаю первые шаги...» - цитировала она автора, пытающегося быть откровенным со своим читателем во всех своих проявлениях. И сама пыталась играть на знакомом ей поле. Тут Он взрывался ещё больше:

- А когда он пишет эти свои паршивые пока ещё («Друзья поправят») стихи? Когда в совете директоров заседает или в Думе? И «Купель» свою когда успел к изданию подготовить? Вот ты корячилась год над малюсенькою книжкой, а ты у нас человек свободный, – как ему самому удалось одолеть такой толстенный том при постоянной работе на всех фронтах и за такое короткое время? В сутках время для всех одинаковое.

- Ты не понимаешь. Бывает же у человека страсть, бывает вдохновение, желание «во всём дойти до самой сути». Тогда находятся и время, и нужные слова. Или цитаты – мы же все собираем их и всю жизнь, и на любой случай. Правда, стали цитировать реже, но не стали реже собирать.

На костре поспевала какая-нибудь простецкая еда, соседи тоже уходили трапезничать, и разговор наших героев переходил на что-нибудь более привычное для дачников.

- Смотри, а можжевельник-то прижился. Помнишь, как мы таскались за ним в лес целых три раза и ты подцепила там клеща. А кустик и тогда не прижился.

- Зато в последний раз тащились в лес со цветными тряпочками. Полдороги прохотали, но север и юг на деревце отметили правильно. И цветные обрывки ещё долго болтались здесь на уже прижившемся растении. Помнишь?

За общими воспоминаниями споры о вечном и вовсе сходят на нет. Путь к электричке – Он по привычке провожает Её даже тогда, когда собачья опасность уже позади, - кажется короче, и каждый уходит в собственные мысли. Он вспоминает друзей по оружию (не все они остались в живых) – и тёплое ощущение жизни заливает его измученное недоверием тело. Позвоночник выпрямляется, из голоса пропадает надрыв. На память приходят неуловимые воспоминания детства, потом недавно умершая мать, которую он так и не помянул в церкви, и кто-то из мужиков, кто вроде бы и служил по надзору за такими вот «правдолюбями», как он, но ни разу ему не напакостил...

- Слушай, а ты не съездишь со мною на кладбище? – прерывает Он Её размышления. Странное дело, но и она думает о чём-то хорошем: его ведь немало и в нашей жизни. Людей, адекватных при любом режиме. Хорошей литературы. Костюнин несколько прямолинеен? Но вот «Несвятые святые», к примеру, - разве это не близкие к его рассуждениям тексты? Да, информация там подаётся не так прямолинейно, но ведь чувствительные души всегда возвращаются к единожды затронутой струне. И звучит она, не разбирая, кто именно вытащил из неё первый звук, и держит нас в ощущении единства нации, какие бы политические громы над нами не гремели. И примиряет обиженных. И оставляет, а некоторым и даёт, надежду.

- Конечно же, я составлю тебе компанию. Давай съездим в эти же выходные.

• Гости клуба

Елена Смирнова

п. Селижарово

* * *

Такие ночи странные...
 Давление ль, томление?
 И небо очень рваное –
 совсем как настроение.

Нирваны больше прошлые,
 а ванны больше лужные,
 и люди больше пошлые.
 А, может быть, простужены.

Такие речи бедные,
 такие свечи бледные...
 Я, может, не стервозная,
 а – авитаминозная?

В НАЧАЛЕ МАЯ

Ты заметила дерево странное,
 так неправильно наклонённое,
 с побелёнными старыми шрамами
 и почти не зелёное?

А под ним старушонку на лавочке,
 ради праздника принаряженную,
 в разноцветной косыночке-бабочке
 и слегка напомаженную?

Ты заметила лужу прекрасную –
 судоходную, непролазную,
 на которой бензинными красками
 намалёвано разное?

А над ней мошкаринные хлопоты,
 беспорядочных точек кружение,
 словно ставят научные опыты
 о сплошном непрерывном движении?

Ты заметила солнце томатное,
 окружённое облачной ватой,
 уплывающее за кресты?
 Почему не заметила ты?

Всё бежишь... Задержишься на бегу!
 – Не могу...

* * *

Природа плачет с нами в унисон,
 и слёзы виснут в рыжей паутине.
 По ржавому пути, неотвратимый,
 накатывается желанный сон.

Глаз не поднять, как солнца не вернуть.
 А дворник золото жжёт, и дым так сладок.

В ушах всё реже рысь моих лошадок.
 Горсть ягод уронив на грудь –
 уснуть.

ЗАПАХ ОСЕНИ

Из домов – колдовством маринада
 и дурманом солений.
 Это горечь, страда и отрада –
 спелый запах осенний.

Пахнет жизнью. И тленом. И тмином.
 Краской ягод с куста.
 Я сегодня рябиновым кармином
 лишь сыта.

* * *

Ты, нахальная слякоть!
 Разлеглась на дороге!
 Можешь фыркать и плакать
 и плевать мне в ноги.

Я надену ботинки
 на громадной платформе,
 след в тебе отпечатаю
 бегемотовой формы.

Как блеснут мои корочки
 среди грязи и слякоти,
 рот разинешь ты форточкой
 и засохнешь от зависти!

* * *

Вдыхая запах грустный,
 Не ведая пути,
 По плачущей по узкой,
 По улице идти.

Между одежд добротных,
 меж осьминожких луж
 прошлёпать беззаботно,
 позабывая чушь.

Все беды – бред, не боле,
 как брызги на подоле.

* * *

Мой бывший верный пёс
 нашёл сытнее миску.
 Мой бывший вольный ветер
 застрял в печной трубе.
 И только Окуджава
 принёс одну записку:
 «Судьба, судьбы, судьбе,
 Судьбою, о судьбе».

• Молодые голоса

(начало в №11 (32)).

«ОТ СЕВИЛЬИ ДО ГРЕНАДЫ»
(отрывок из книги Артёма Виноградова)

Больше всего доставали комары. Они были везде, их было много, и они были опасны. Малярия – бич этих мест. Конечно, не все комары заражены, но проверять на себе не хотелось. Пришлось отбиваться, превращая руки в мухобойки, но помогало это мало. Точнее не помогало вообще, в том плане, что меня все равно укусили несколько раз, и дальнейшая оборона просто теряла смысл. Если мне не повезло, то в лучшем случае через неделю начнется лихорадка. Может раньше, может позже – я не знаток, суть только в том, что задача начала резко меняться в сторону уменьшения сроков. Смеркалось. Первый день моего великого похода подходил к концу. Я даже приблизительно не могу сказать, сколько я прошел, но завтра темп необходимо наращивать. Я чувствовал, что смогу это сделать, но для этого лучшим средством будет как следует восстановить силы. Действительно, пора было задуматься о ночлеге. Мысли такие посещали меня и раньше, и я долго пытался найти хоть небольшую полянку в этом первозданном лесу, но безуспешно. Иногда деревья так тесно переплетались друг с другом, что приходилось сбиваться с пути и искать обходной путь.

Наручных часов у меня не было. Действительно, привычка всегда носить с собой мобильник сыграла со мной злую шутку – он разрядился в джунглях, и я понял, что теперь придется ориентироваться лишь по общему уровню освещенности. Это не было бы, правда, большой проблемой, если бы не необходимость отслеживать скорость передвижения. Есть у меня, однако, и еще одни часы – внутренние. Я часто замечал, что навскидку определяю время значительно точнее окружающих. Был такой случай. Снился мне сон. И там, по сюжету, я несколько раз смотрел на часы. Перед самым пробуждением, я это хорошо запомнил, во сне было 03:44. Проснувшись, я в первую очередь глянул на будильник. Он показывал без пятнадцати четыре утра. Совпадение? Кто его знает. Очень хотелось есть.

Нет, правда. Вы пробовали не есть сутки? А двое, трое и больше? Знаю на собственном опыте – сутки без пищи организм даже не замечает, двое – это уже неприятно, на третьи – желудок уходит в депрессию, но это вполне можно терпеть, лишь бы была вода. А вода была. Пока. Вначале мне показалось выходом устроиться на ночлег на дереве. Переплетения ветвей вполне могли послужить постелью, если их еще укрыть густой листвой, которая здесь была в избытке. Вообще, я никогда не умел лазить по деревьям. Просто, я это считал навыком совершенно архаичным и ненужным современному человеку. Да я и теперь так считаю, но в тот момент пришлось немного раскаяться в моей недостаточной тренированности.

Через полчаса я все-таки оказался в удобной развилке ветвей трех или даже четырех деревьев, достаточно ровной и со всех сторон окруженной темно-зеленым покрывалом. В этот момент я почувствовал невыразимую усталость. Я устало сел, опершись на один из толстых стволов и расслабился. Сам не верю тому, что говорю, но мне было удобно. Удобно настолько, что, едва закрыв глаза, я начал дремать. Сквозь сон мне чудились разноцветные круги, всполохи, фантазмагория видений изнеможенного человека. Все это сопровождалось звуком. Сначала тихим, но постепенно набравшим громкость. Это было шипение, достаточно злобное, чтобы я решил проснуться. Мои приключения на сегодня не закончились.

Я резко открыл глаза и обернулся к источнику шума. Прямо на уровне моей головы на меня смотрела и мило «улыбалась», выставив внушающие страх зубы, змея. Небольшая такая змейка, полутораметровая. Ее голова находилась буквально в двадцати сантиметрах от моего лица и по форме ужасающе напоминала гроб. Обычный такой гроб, страшный, темно-коричневый, как и все остальное тело. Зев же ее был всепоглощающе черен, как вечность.

Поначалу я опешил и попробовал улыбнуться ей в ответ, но этот дружеский жест не был оценен. Она зашипела вновь и подалась немного назад. Это дало мне шанс – я оттолкнулся от дерева и просто упал вниз вместе с рюкзаком, с треском продравшись сквозь переплетение ветвей, заметив, что яд уже начал сочиться со смертельных остриев ее зубов, но я уже находился в свободном падении. Пасть посланницы Плутона скользнула по моей макушке, обдав дыханием Леты, но отделался я лишь ушибленным боком. Пока.

Змея не удовлетворилась неудачей, но я уже был готов. Морщась от боли, вытащил нож и встал, ища глазами противницу. Она обнаружила меня первой и нырнула вниз, прямо с дерева, целясь мне в шею. На голой реакции я махнул перед собой ножом и, вроде бы, попал, но удар получился неловким, змея лишь отлетела в сторону, не получив и царапины. Я побежал, постоянно оглядываясь назад, но смог заметить лишь тень, метнувшуюся по траве, она была намного быстрее

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

меня и в этот раз не могла не достичь цели, зубы ее сомкнулись, но к моему счастью лишь на заднике кроссовка. Это был шанс. Я придавил ее другой ногой и воткнул в землю нож. Со змеей было покончено, но я так извернулся, атакуя ее, что упал на пятую точку. Почти безголовая змея лежала рядом, она была мертва. И только теперь я вспомнил ее имя.

Черная мамба. Одна из самых ядовитых змей Африки и самая быстрая в мире. В лесу убежать от нее невозможно, она может развить скорость до двадцати километров в час. Но в тот момент меня больше интересовало другое. Она съедобна?

Проверить я не стал. Слишком рискованно. К тому же я теперь нигде не мог чувствовать себя в безопасности. Но, порассуждав немного, я пришел к выводу, что ночевать на земле будет спокойнее. Мои скудные знания подсказывали, что мамбы, да и другие африканские змеи все больше передвигаются по деревьям, наземных хищников в тропическом лесу немного. А от тех что есть, я постараюсь оборониться хорошим костром, благо вокруг было сухо и в кармане лежала зажигалка. Очень хотелось есть.

Но есть было просто нечего. Чтобы хоть немного заглушить голод, я маленькими глотками пил драгоценные запасы воды. При всей экономии к вечеру уже закончилась первая литровая бутылка. Тихо потрескивал костер. Он был совсем небольшим, но все же достаточным, чтобы разогнать, нависшую над тропиками тьму. К ночи похолодало – навскидку, было градусов семнадцать, поэтому огонь был совсем нелишним. Я улегся прямо на землю и попытался уснуть.

Я несколько раз ночевал на открытом воздухе на рыбалке. Тихий плеск воды, легкая ночная прохлада, шелест листвы. Не накрываясь, улегшись сверху прямо на спальник, я засыпал практически сразу. Но даже тогда где-то на грани сознания шевелилась мысль, что мое положение не совсем безопасно, и, пока я буду спать, меня может найти заблудившаяся гадюка. Что уж тогда говорить о моем нынешнем положении? Я вскакивал и озирался после каждого подозрительного шороха, постоянно ожидая увидеть рядом с собой сестру убитой мною мамбы.

Через двадцать минут мне это надоело. Было достаточно трудно убедить себя в том, что ночью со мной ничего не случится, но мне это удалось. Заснул я сразу же. Помню, что мне тогда снилось. Небольшая, но очень богато обставленная комната, обшитая резными деревянными панелями. Прямо передо мной зажженный камин. Я же сижу на полу, укрытом леопардовой шкурой и раскладываю пасьянс. Окно справа от меня было открыто, и мне стало холодно. Я взял еще одну шкуру, но она оказалась неожиданно горячей и я проснулся.

Оказалось, что во сне я залез рукой в потухший костер и схватил головешку. Она уже остывала, но сохранила достаточно тепла, чтобы доставить неприятности спящему. Я посмотрел на небо, оно уже светлело, но, судя по всему, солнце только готовилось встать из-за горизонта. Поняв, что больше заснуть не смогу, встал, потянулся и огляделся.

Ничего неожиданного, рюкзак лежит на месте, пара мелких грызунов кинулась прочь от меня, а в небе пролетел то ли орел, то ли кондор... Ночные страхи ушли прочь, я выспался и был готов к новым подвигам. Сумка вновь оказалась у меня на плечах, и я тронулся в путь.

День прошел спокойно, идти стало легче. Лес поредел, и меня не покидало ощущение, что здесь появлялись люди. Особенно меня убедили в этом концы лиан, которые, на мой непрофессиональный взгляд, были не оборваны, а именно обрублены. Впрочем, я так никого и не встретил. В смысле – людей. А с животным миром мне удалось познакомиться поближе. В сотне метров справа от себя я заметил двух горилл, потом еще дальше – детеныша. Вряд ли они могли принести мне пользу, а нападения от них я вполне мог ожидать, а потому я свернул градусов на двадцать влево. От греха подальше. Очень хотелось есть.

Это обстоятельство портило весь сегодняшний день. Хорошо еще, что я имел возможность утолять жажду, но воды оставалось максимум на три дня пути. Поначалу кажется, что испытывать недостаток жидкости в лесу, в джунглях несколько странно, это далеко не пустыня, однако... Апельсинов или других сочных плодов я не нашел, жевать листья неизвестных деревьев просто опасно, дождя, несмотря на облачность, не было, а о местных водоемах, а я встретил пару глубоких луж, можно сразу смело забыть. Есть там некая зараза, которая проникает в человека сразу, как только он коснется застойной воды.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 13-14).

Впрочем, второй день закончился на мажорной ноте. Мало того, я ликовал, кричал и прыгал от радости. Я нашел бананы! Целая банановые заросли на моем пути! Покидавшись для приличия дубинкой и сбив таки один банан, я подкрепился им и решил лезть наверх. Удалось... Перед сном я устроил настоящий пир – бананы на первое, бананы на второе, бананы на десерт и бананами же набил до отказа рюкзак. Таких запасов мне должно было хватить надолго. Когда я наелся до отвала, солнце уже зашло и прямо над головой висело созвездие Скорпиона – мой зодиакальный символ. Счастливый знак. Завтрашний день должен быть удачным.

Встал я вновь засветло и вновь удивился – неужели я так хорошо высыпаюсь, лежа на голой земле. Надо будет дома попробовать. Но времени рассуждать над феноменами сна не было – меня ждал тяжелый путь. И еще неизвестно, сколько мне придется пройти прежде, чем я достигну цивилизации. По крайней мере, сегодня я рассчитывал километров на тридцать, не меньше. Иначе, несмотря на массу питательных плодов, я рискую не выбраться вообще – запасы воды уменьшались все быстрее, я устал.

Днем встретил двух мамб. На этот раз они были веселенькой светло-зеленой расцветки. Я испугался было, но они интересовались исключительно друг другом и не удостоили меня даже взглядом. Но я не обиделся. Напротив, как можно быстрее покинул это место. Минут двадцать над головой летала парочка попугаев. Не иначе, как в джунглях отмечался день Святого Валентина.

Ближе к концу дня я стал замечать, что иду под гору. Уклон был совсем слабым, но все же заметным. Теперь можно было точно сказать, что я иду не на юг. В любом случае, сворачивать я не собирался. Уже третьи сутки я шел по прямой, и любое изменение маршрута с большой степенью вероятности могло удлинить мой путь, что совершенно нежелательно. Вскоре наступило время ужина. Вот только для кого оно наступило – самый большой вопрос.

3.

Вы когда-нибудь пробовали леопардину? А хотите? В тот момент я очень хотел, поскольку иначе тому леопарду пришлось бы отведать человечины. А я еще жить хочу.

Он появился совершенно неожиданно. Стройный, грациозный, да что уж там, ужасающе красивый. Не зря говорят, что красота – страшная сила. Это про него. Его медленные, пружинистые движения завораживали. Он обходил меня вокруг, не отводя взгляда, гипнотизируя. Первая мысль – ну почему у меня нет пистолета!? Вторая – хорошо, что у меня нет пистолета. Глупо, но я просто не смог бы его застрелить. Такое животное можно победить только в схватке. Честной схватке. Не на жизнь, а на смерть. Схватка эта должна была стать короткой. Не больше минуты. Один прыжок. Даже если я увернусь, второго промаха он не допустит. Я отбросил рюкзак в сторону и достал кинжал.

Леопард прошел почти полный круг, мои мышцы были напряжены, я вспоминал ту пару лет, проведенных на воротах в футбольной секции. Пенальти, только не совсем обычный. Удар будет нанесен по мне, моя задача – увернуться. И разбега не будет, реакция должна быть мгновенной, чем я никогда не мог похвастаться. В какую-то долю секунды я заметил, как напряглись его мышцы.

Он прыгнул одновременно со мной. Хотя нет, я опоздал на неуловимо малое мгновение, но мне повезло. Его челюсти клацнули в сантиметре от моего плеча, когда я уже перекачивался влево. Леопард резко затормозил прыжок и повернулся ко мне. Я сжимал нож в руке, но первым нанести удар не решался. Дистанция между нами была почти минимальной. Он ударил лапой, и левую щеку распорол резкая боль, я крикнул. Секунда промедления – и он уже попытался схватить меня за шею. Я уклонился на инстинктах, без участия сознания. Рука с ножом ткнула снизу вверх, наугад и все-таки нашла его шею. Горячая кровь обогрела мои ноги.

Леопард дернулся, в судорогах нанес еще несколько ударов, пока я, благодаря Лермонтова за хороший урок, несколько раз повернул свое оружие в страшной ране. В последние секунды жизни враг вывернулся, кинжал вылетел у меня из рук, а кошка бросилась на меня и умерла, едва не зажав мою руку между страшных клыков, один из которых все же задел плечо. Не сильно, но шрам, скорее всего, останется.

Я лег на землю и попытался успокоиться. Сердце заходило в бешеном ритме. После всех наших с Мэри приключений, именно сейчас я был ближе всего к смерти. И выжил. Но истекал кровью. У меня были ранены: плечо, щека и к тому же оцарапана левая нога, но о ней пока можно было не думать, остальные раны были серьезнее. Я, как на грех, мало что помнил из школьного курса первой медицинской помощи, но все самое главное я предусмотрительно захватил из самолета.

(продолжение на стр. 16).

(начало на стр. 13-15).

Наибольшие неприятности мне доставил спирт. Я так хорошо залил им свои болячки, что даже если рядом были еще желающие мной полакомиться, то от моих криков они разбежались куда подальше. Нет, конечно, я мог перенести все тихо, но зачем сдерживать эмоции, если тебя все равно никто не видит.

Но к делу. Оказалось, что нормально перевязать щеку совсем не просто. Я на скорую руку соорудил нечто, выполняющее роль повязки, но это был скорее медицинский анекдот. С правым плечом дело пошло еще туже. Левая рука никак не хотела делать то, что нужно, а завязать конец бинта удалось далеко не с первого раза.

Не лучше обстояли дела с одеждой. Правый рукав оказался оторван, и я для симметрии оторвал левый. Масса ввевшейся грязи на брюках уже превышала массу самих брюк. А абсолютно новые кроссовки через пару дней останутся вообще без подошвы, если ничего не изменится. Поэтому надо было спешить, и я решил до вечера, несмотря на боль, пройти еще несколько километров. Но прежде надо было сделать пару вещей. Во-первых, вырвал у поверженного леопарда ранивший меня клык. Я не особенно тщеславный человек, но уж очень хотелось похвастаться трофеем, повесив его на цепочку. Во-вторых, я заготовил себе мяса. Я не шучу. Развел костер и зажарил на импровизированном вертеле из ближайшей прочной палки заднее бедро убиенного мною леопарда. На пару суток хватит, а больше мясо просто не сохранится.

Когда я закончил, уже стемнело. Идти дальше было страшно, но я решил двигаться вперед до тех пор, пока вижу хоть что-то. Я закинул за спину рюкзак, который, с учетом мяса и бананов, стал очень тяжелым, но не успел прошагать и пары метров, как кусты сзади зашевелились. Я услышал тихие шаги, принадлежавшие какому-то небольшому животному. Потом еще, еще. Сердце ушло в пятки, я медленно обернулся и выматерился. То были гиены, и им был интересен далеко не я. И откуда взялись только?

Смеркалось. Становилось жутко, произвольно начали стучать зубы, к тому же явно похолодало. Я мысленно говорил себе – еще полчаса, каждый километр был на счету. Раненое плечо ныло, я постоянно поправлял лямки рюкзака, а под конец просто переместил весь вес на левое плечо, но стало только хуже. Я уже было скинул сумку на землю, собираясь устраиваться на ночлег, когда кое-что впереди показалось мне странным. Если впереди между деревьями еще можно было различить дальнейший путь, то слева была темень, тупик, как будто стена. Стена... А сверху очертания... Черт! Это был дом!

Я, забыв в мгновение ока про боли и мучения, подхватил сумку и побежал. Недалеко, всего метров пятьдесят, но я все равно умудрился три раза споткнуться и ушибить обе ноги. Да, это, действительно, был дом, точнее, хижина, но вокруг бушевали заросли и не было никаких признаков жизни. На всякий случай я вытащил нож и вошел внутрь.

Тихо. А чего я ожидал? Люди здесь были последний раз не меньше десяти лет назад. Полуразвалившаяся печь, стол, две ржавые железные кровати. На одной даже сохранился относительно целый матрац. Я не думал больше ни о чем. Просто лег на него и заснул. Нет, не навечно, но все равно надолго. Когда я проснулся, солнце было в зените. Плохие новости – слишком много времени потеряно. Но я не мог уйти, не позавтракав. Мясо, бананы, четверть предпоследней бутылки воды. Вполне сытно, несмотря на то, что мясо было жестковатым и невкусным, а бананы неспелыми. Надо было продолжать путь.

Выйдя из счастливого убежища, я осмотрелся и сразу подметил то, чего не заметил вчера. Примерно под углом сорок пять градусов влево к моему общему направлению отходила дорога. Узкая и такая же древняя, как и сам дом. Она заросла и практически слилась с лесом, но все же общее направление угадывалось. Имело смысл пойти по ней.

Мне стало хуже часа через два. Сначала лоб покрыла испарина, но я списал это на трудности пути. Потом начался озноб, пока легкий, но это было уже серьезно. Меня бросило в жар, озноб усиливался, начался кашель. Я сел на землю, прислонился к стволу дерева. Все было слишком плохо, почти сто процентов, что это малярия. Симптомы подходили, я читал в свое время Жюль Верна. Подтвердило мои опасения то, что через полчаса все прошло. Это был первый приступ. Когда наступит второй, неизвестно, но он будет тяжелее. Я побежал. У меня были сутки. Максимум. Потом я не смогу идти. Рюкзак я бросил, оставил только воду.

Бешеная гонка со временем. Сколько еще их будет? Возможно, ни одной. Голова болела, но, по крайней мере, я мог двигаться. Пытался кричать, звать кого-то, но никто меня не слышал. Я бежал, спотыкался, падал без сил, но снова вставал и упорно шел вперед. Все было как в бреду, в тумане. Иногда вновь возвращался кашель, легкий озноб, но я не обращал внимания на такие мелочи. Я буду идти, пока хватит сил... А сил оставалось совсем немного. Точнее, их не осталось совсем. Я рвал, насиловал организм, понимая, что сейчас нужно использовать все его резервы, иначе они мне просто больше не понадобятся. На черта труп резервы?

Второй приступ свалил меня, когда стемнело. Свалил в самом буквальном смысле. Я упал и не смог подняться, меня трясло, температура поднялась градусов до тридцати девяти, не меньше. Ко всему прочему открылось кровотечение на вроде бы успокоившемся плече, пропиталась кровью и забинтованная щека. Я не хотел засыпать, понимая, что, скорее всего, уже не проснусь, но не смог и забылся в бреду.

НА СНИМКЕ: Артем Виноградов с белым питоном (стр. 14).

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Был в Орловке и ещё один очень существенный минус. Дело в том, что на этот гарнизон почему-то не распространялся приказ министра обороны о заменах, согласно которому офицер, прослуживший «...в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, в отдалённых районах и местностях, а также в районах и местностях с неблагоприятными климатическими условиями...» пять календарных лет, подлежал обязательной замене «в Европу». Орловка, как это ни странно, ни под один из обозначенных в приказе критериев не попадала. А посему, однажды попав в Орловку, служить в ней можно было, как говорится, до морковкиного заговенья. Ситуация изменилась только в 89-м году, когда ветры Перестройки, донесли наконец до Москвы слёзы и стенания служивых, заживо погребённых «во глубине амурских руд».

Так что Орловка во все времена оставалась самым непривлекательным местом службы, своеобразной ссылкой. По этой причине и контингент в Орловском гарнизоне был весьма своеобразным и представлен он был, в основном, двумя типами офицеров: «сосланными» и «нехитрыми».

К первой категории относились офицеры, отправленные «в ссылку» в Орловку за какие-либо провинности. Для лётного состава это чаще всего были разной степени тяжести профессиональные «проколы», типа подломленного при грубой посадке шасси или случайно сброшенного в полёте фонаря кабины. Хотя попадались в этом плане и совершенно уникальные истории.

Так служил в Орловке в моё время капитан Ф., знаменитый на все ВВС тем, что как-то сбил в полёте собственного ведущего. На учениях, во время пусков ракет по маневрирующей цели, Ф. перепутал на экране прицела метки и вместо того, чтобы пустить ракету по «беспилотнику», запустил родимую в своего, летящего впереди и чуть сбоку, ведущего. Ведущий, к счастью, остался жив – катапультировался, а Ф. после показательной экзекуции был «ослан» в Орловку. Навечно.

Что же касается технического состава, то там значительную часть «ссылных» составляли «алкоголики».

относились мягше», уволить офицера из рядов Вооружённых сил по причине пьянства было делом почти невозможным. С такими офицерами цацкалось начальство, с ними нянчилась партийная или комсомольская организация, их брали на поруки, их судили товарищеским и офицерским судом, их «продёргивали» в стенной печати, их клеймили позором, их всячески воспитывали и перевоспитывали, но увольняли редко, я бы даже сказал – исчезающе редко.

Когда я приехал в Орловку молодым лейтенантом, я обратил внимание на одного потрёпанного жизнью техника. На вид ему можно было дать лет сорок. И тем не менее он всё ещё был лейтенантом. Повседневно мы в Орловке ходили в лётно-технической форме одежды – без знаков различия, но на первом же строевом смотре я заметил на погонах странного техника, кроме двух лейтенантских звёздочек, ещё и две дырки, соответствующие расположению звёздочек капитанских. Вскоре выяснилось, что офицер этот в своё время благополучно дослужился до капитана, но потом по каким-то причинам начал пить, пустился во все тяжкие, был разжалован с начала до старшего лейтенанта, а потом и до лейтенанта и в конце концов «сослан» на Дальний Восток – разумеется, в Орловку. Надо сказать, что с «карьеристом» этим мы тоже изрядно намучились. За те шесть лет, что я провёл в Орловке, этот персонаж два раза получал старшего лейтенанта и оба раза расставался с третьей звездой, прошёл все мыслимые и немыслимые этапы коллективного воспитания, начиная от товарищеского суда и заканчивая вульгарным мордобоем, женился, развёлся, имел неудачную попытку суицида и наконец, в 90-м году, был таки уволен... по выслуге лет. Последние года полтора до увольнения этот «ахтунг» вообще появлялся на службе исключительно в день выдачи зарплаты, и, получив оную, сейчас же убывал в Белогорск или в Свободный – поближе к тамошним ресторанам, где и спускал полученные деньги за несколько дней. Куда он девался потом, никто не знал, но все знали, что в следующий раз его можно будет увидеть ровно через месяц – возле окошечка кассы в день выдачи полочки.

(продолжение на стр. 18).

(начало на стр. 17).

Попасть в Орловку можно было и по другим причинам. Например, из-за неуживчивого или слишком прямолинейного характера. Или даже просто из-за наличия какого-либо характера вообще, но дополненного присутствием своего собственного мнения, на твою беду не совпадающего с мнением начальства.

К сожалению, у нас, в России, начальство никогда не любило подчинённых, имеющих своё собственное, отличное от их, начальничье, мнение. Повелось это издавна, наверно ещё со времён первых князей, и благополучно, без особых перемен, просуществовало до нынешних, вроде как бы просвещённых и типа демократических, времён. Увы, деспотия, она и есть деспотия, в какой бы цвет она не красилась и под какими бы масками не скрывалась. Конкуренция, она же борьба за власть, при деспотии, в отличие от той же самой конкуренции при нормальной демократии, может иметь лишь один единственный исход – смерть деспота (речь может идти как о смерти физической, так и о политической), и деспот это прекрасно понимает и именно поэтому старается окружить себя людьми либо глупыми, глядящими деспоту в рот, либо тихими, бессловесными, не способными на поступок. Поэтому умных людей в России никогда не любили и не любят до сих пор. Если оглянуться назад и непредвзятым взглядом окинуть всю долгую российскую историю, то окажется, что история эта есть не что иное, как история гонения и уничтожения умных людей. На протяжении веков умных людей в России громко казнили, тихо душили, ссылали в Сибирь, выгоняли из страны, лишив гражданства, и вообще, всячески и изошрённо гнобили. Остаётся только удивляться, что умный человек в России до конца так и не перевёлся. Живучий он оказался, сволочь.

Второй категорией обитателей Орловки, как я уже говорил, были «нехитрые». К ним, в частности, относились все выпускники лётных училищ, попадающие в Орловку по распределению. Как это происходило, я объясню на собственном примере.

Из нашего выпуска в Краснознамённый Дальневосточный военный округ было распределено пятьдесят три человека. Все мы должны были прибыть в штаб ВВС округа 19 ноября к девяти часам утра. Предварительно отгуляв положенный нам по выпуску из училища первый лейтенантский отпуск.

После тягот и лишений армейской службы в училище и в предвкушении новых тягот и лишений, на этот раз уже в дальневосточном полку, я оттянулся в отпуске по полной программе и, как порядочный офицер, прилетел в Хабаровск накануне указанной в предписании даты, дабы в девять ноль-ноль следующего дня трезвым и чисто выбритым предстать пред светлы очи высокого дальневосточного начальства. К моему великому удивлению, в указанный в предписании день и час в штабе нас собралось всего четырнадцать человек. И были мы, как это выяснилось в дальнейшем, простыми и недалёкими лохами. Поскольку остальные тридцать девять выпускников, оказывается, в отделе кадров округа уже побывали и получили распределение в полки. Хитрецы приезжали в штаб и за неделю, и за две до указанного в предписании срока. Некоторые, наиболее искушённые в тонкостях армейской службы, вообще рванули в Хабаровск на другой день после выпуска. Всё это проделывалось лишь для того, чтобы выбрать себе наиболее престижное, максимально «вкусное» место службы. К моменту нашего появления в отделе кадров вакантными оставались лишь два места в Смирных и двенадцать мест в Орловке.

К слову сказать, со всеми «хитрожёлтыми», как это часто бывает, жизнь в дальнейшем распорядилась по-своему.

В середине 80-х началось печально известное «истребление» истребительных полков, ставшее как бы пробным камнем, испытательным полигоном для последовавшего вскоре глобального разрушения могучей советской армии.

Да-да, мой пытливый читатель, большое разрушение армии началось именно тогда, в середине 80-х, а не в «ельцинские» 90-е и, уж конечно, не в «пугинские» двухтысячные. Ельцин разрушал страну. Всю. Целиком. До какой-то там отдельно взятой армии ему вообще не было дела. А нынешние правители армию, наоборот, строят. Но строят они её, к сожалению, исходя из своих, совершенно дилетантских, представлений о том, что такое армия и для чего она, собственно, нужна. Поэтому всё это очень сильно напоминает работу кружка юных пионеров-радиолобителей,

(продолжение на стр. 19).

(начало на стр. 17-18).

нашедших на свалке останки выброшенного за ненадобностью суперкомпьютера и собирающих из них, нет, даже не калькулятор, а просто необычный пазл, мозаику из большого числа красивых, блестящих, но совершенно бесполезных в своей красивости деталей.

Так вот, о печальных 80-х. Первым тогда под удар попал Сахалин. Затем пострадало Приморье. Потом очередь дошла и до Хабаровска. Полки сокращались, лётчики мотались по стране в поисках места службы, переходили в другие виды авиации, вытеснялись на нелётные должности; рушились семьи, ломались судьбы; и только Орловка, далёкая непрестижная Орловка продолжала спокойно и целенаправленно «переводить керосин в шум». Мы – молодые лейтенанты – активно летали, последовательно продвигаясь по программе, получали допуски по новым видам лётной подготовки, сдавали на «класс» и время от времени получали грустные весточки об очередном нашем однокашнике, попавшем под свирепый удар разыгравшегося в стране «перестроечного шторма».

Существует одно древнекитайское изречение, которое приписывают Конфуцию: «Сиди спокойно на берегу реки – и мимо проплывёт труп твоего врага». Поневоле мы оказались в роли подобных созерцателей. Единственным отличием нашего положения было то, что «мимо плыли» «трупы» не врагов, а наших однокашников и друзей. Никакого злорадства по этому поводу, мы, конечно, не испытывали, прекрасно понимая, что лотерея есть лотерея – кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает – и в любой момент на месте проигравших можем оказаться и мы. Правда, в отличие от наших однокашников, которые всё-таки вытаскивали свои «лотерейные билеты» сами, мы свои «билеты» не вытаскивали, нам они достались, как это говорится – по остаточному принципу.

Может быть, как раз потому, что дальше ехать было уже некуда, в Орловке сложился замечательный коллектив, послуживший для нас, молодых пилотов, отличной жизненной школой. Здесь мы получили надёжную прививку от карьеризма, дежажничества, служебного хамства, подхалимажа, увидели наглядные примеры бескорыстия, взаимовыручки, настоящего войскового товарищества.

(продолжение следует)

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС! «ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

Напоминаем, что условия конкурса опубликованы в «Светлячке» №9(30) за сентябрь 2013 года. Прочесте нашу газету вы можете, набрав в поисковой строке: литературно-краеведческая газета «Светлячок».

ПРОЩАНИЕ

- За что нас выкрали отсюда,
где нам так славно было жить?
Чтоб сквозняками пересудов
и плоть и души иссушить?
Как больно, милая, как сладко
с тобой делить последний час,
как упоительна и кратка
жизнь, уходящая от нас!

- Я обниму тебя покрепче, -
чтоб дольше влагу сохранить,
с тобой всё-всё намного легче,
чем без тебя остаться быть!
Я благодарна providенью,
что мы с тобою проросли
в одно, прекрасное мгновенье,
одну вкусили соль земли!

Две неказистые морковки,
А что-то там, под сердцем, - шёлк!
Светло, чуть грустно, и ...неловко, -
Подслушивать – нехорошо...

Петр Бобунов,
г. Нелидово

ДРУЗЬЯ

Стоят чуть тёплые два друга.
Их водка подвела подруга.
- Земля кружится, замечаешь?
А я всё ж на ногах держусь...
Иван, меня ты уважаешь?
- Василий, я тобой горжусь.

Мария Черкасова,
г. Андреаполь

Работы присылать в электронном варианте по
адресу: andkniga@andreapol.tver.ru
или присылайте рукописи по адресу:
г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1;
или приносите в районную библиотеку.

Владимир Львов

г. Тверь

ВСЁ В ПОРЯДОЧКЕ

Из рубахи своей потной
Грузно вылезу
Да поужинаю плотно —
Чашку вылижу.

А потом к заварке мятной
Ради остуди
Приложусь в тиши приятной:
— Слава, Господи!

Спите мирно на полатах
Детки родные!
Вы одетые у бати,
Не голодные.

Мамка сильно умурилась,
Не легко далось:
Не само же всё сварилось,
Переделалось.

И светло у нас в избушке
От лампадки,
И мяско лежит в кадушке —
Всё в порядочке!

Во дворе овечки блеют,
Страшно маленьким.
Волки тронуть не посмеют,
Мы их — валенком!

Не уйдут? А мы натравим
Борьку-борова.
Разорвёт их за сараем!
— Ой, как здорово!
Ха-ха-ха!
— А что такое?

Что так весело?
На горшок да на покой!
Утро вечера...

— Пап, а ты куда раздетый?
Или выпивши?
— Да пойду я тоже... это...
Борьку выпущу.

Звёзды яркие искрятся,
Месяц — гоголем!
— А чего им не смеяться?
Плакать что ли им?!

РОБКИЙ ВОВА

Я не вырос, но подросток.
Стал, как лось, здоровый.
Как медведь, смуню овёс,
Нюньки ем коровой.

Я в девятый класс хожу,
«Пифагора знаю»,
С Лучаниновым дружу,
В шахматы играю.

Мне девчонки не одна...
Нравятся, и сильно!
Провожая их «с кина»,
С танцев, с магазина.

Целовались? Да вы что?!
Вдруг в тюрьму «посодють»? —
Вдруг захочется «ишо»?
Вдруг какая «родить»?

Скажет: я её силком —
Вдруг какая дура?
А потом — казённый дом,
Суд, прокуратура...

Будет песенка моя
Молодая спета.
И чего «добьюся» я?
«На фига» мне это?

Друг сказал: «Кака тюрьма?! —
Успокоил малость. —
У тебя в башке ума,
Вова, не осталось!

Слышишь, как мозги хрустят? —
Там, наверно, вывих.
Девки сами нас хотят,
И сильней, чем мы их!»

Мамка думала: меня
Ночью черти носят.
Не! Гуляю девок я,
Жду, когда попросят.

По секрету вам скажу:
Не было ни разу.
Я скорее сам рожу,
Чем они, заразы!